

ПО-СВОЙСКИ С ЖИЗНЬЮ И СУДЬБОЙ

(Штрихи к портрету Веры Хамидуллиной)

Свою книгу «Корабль времени, или Воспоминания» Вера Хамидуллина открывает стихотворением «Я маринист...», которое в некотором смысле можно назвать «визитной карточкой» поэтессы. Напомню: маринист — художник, предметом изображения которого становится морской пейзаж. Каков же он у Хамидуллиной? Это «плаванье души», отражающееся на «белой глади» (читай: бумаге); «волненье светлых чувств // Полётом брызг» на «холсте сомненья». Практически ни слова о реальном морском пейзаже, сплошь — пейзаж души, её «стихии перекат» и «девятый вал», души, плаванье которой связывается «морским узлом» в «пейзаж души». Таким образом, море, как у Марины Цветаевой становится, точнее — изначально является символом жизни и поэзии. И устремлено «плаванье» к постижению глубин бытия и души человека.

Но не надо думать, что Хамидуллина при этом отрывается от реальности, как это свойственно некоторым экзальтированным творческим личностям. Её поэзия по сути своей очень земная. Оттого даже высокие поэтические символы, такие, например, как традиционный образ Пегаса в стихотворении «Пегасиха», как бы намеренно «снижаются», лишаются своей мифической «масти». Художественный образ от этого выигрывает, становится более зримым и более понятным, близким, родным: «Мой ангел чистит крылья на шестке».

Поэзия Хамидуллинной, словно море, текуча и полна динамизма. В этом я усматриваю следование правде жизни, чувствование которой у поэта — всей кожей, каждой клеточкой тела, души, стиха. Отсюда жизнь предстаёт при всей её калейдоскопичности целостной. Частным отражением этой целостности является тот факт, что автор не разбивает стихи на циклы. Поэт будто прозревает жизнь в её первоначалье. Это даже возведено в некий поэтический и жизненный принцип: «Живи сначала! И да будет только так!»

Стихи поэтессы до предела информативны — до звука, до слова, до фразы. Её душа всецело настроена на чувствование малейших проявлений жизни, каждое из которых может стать источником вдохновения, источником познания мира. Но, поскольку информация о мире безгранична, поэт на ограниченном поэтическом пространстве, в котором, как известно, словам должно быть тесно, а мыслям просторно, сжимает её до предельной экспрессии, возводит до притчи («Снежный ком»), выражает в густой метафоричности. Всё это — неотъемлемые качества поэзии Веры Хамидуллинной. Особенно славна она яркими, запоминающимися, смысловыми метафорами, которых у неё целая кладезь. Ряд стихов просто поражает глубиной образности: «Руку протяну: // — Ну, где ты, старость?! // Мне сейчас забыть свою беспечность? // Погоди! Всего-то и осталось — // Седину свою сменить на млечность...» Так вечно и в то же время по-земному зrimo-сиюминутно выражена философская тема Смерти.

Прямо-таки стихийной устремлённостью поэтессы к постижению глубин человеческой души и бытия мотивированы постоянные «оглядки» на традиции классической поэзии, усвоение её уроков. Например, ахматовская интонация ясно слышится мне в «Ярко-алой турецкой гвоздике...» и в «Зацепилось кружево любви...» Она прежде всего в умении передать нюансы душевых движений, настроений в зриемых, пластичных образах. Лермонтовский мотив сквозит в стихах «Мольбы»: «Подайте подданной своей любовь, // Как нищим подавали хлеб насущный». Дело здесь, конечно,

но же, не во всеядности Хамидуллинной, а в стремлении самообразоваться, дабы не выдумывать велосипедов, как это свойственно некоторым авторам. В любом случае, у Хамидуллинной та или иная традиция служит лишь отправной точкой и преобразуется с учётом собственных творческих установок и велений души и времени.

Поэту Вере Хамидуллинной, как спортсмену, всегда требуются для поддержания себя в «поэтической» форме упражнения в технике стиха. Она не боится пробовать себя в самых разнообразных жанрах. Поражает, что поэт строго до скрупулёзности следует жанровым традициям, в отличие от некоторых наших «умельцев», «мастеров» доморощенных хокку и выхолощенных верлибров, каковые напрочь лишены поэзии. При всём при этом Хамидуллину не «зашкаливает» в слепом следовании законам формы. Она «уравновешивает» её с содержанием, как, например, в однословном многорифме «Укачай меня словами». Здесь и содержание, и сама форма, создающая «укачивающий» ритм, как бы погружают в состояние сна, оттого органичны по отношению друг к другу. А ведь чем меньше зазор между формой и содержанием, тем безупречнее выполнено произведение.

Следуя той или иной жанровой традиции, Вера Хамидуллина не копирует её, а преобразует в соответствии с творческим заданием. Так в форме игры она производит «эксперимент» с сонетом, который у неё игриво назван «Сон... нет». К слову сказать, Хамидуллинной вообще свойствен здоровый юмор, игра (почитайте хотя бы её «Сказку про красную шапочку в стиле модерн»). Это касается и манеры исполнения поэтом собственных сочинений. Помню, как она читала в Лаишево своего «Жучка в янтарном медальоне», давшем название одной из её книг. Артистично, бесподобно, зажигательно! Она и сама по натуре такой человек. И её творчество — прямой, органичный отголосок её натуры, игра с жизнью и судьбой, попытка установить с ними совершенно свойские отношения. В одном из стихотворений поэт так и пишет: «пинка судьбе поддай».

Не бояться идти на эксперименты со стихом — верный признак большого таланта и мастерства. На такое идут только умелые версификаторы и маститые поэты. Речь, конечно, об экспериментаторстве не ради него самого, а ради новых открытий и обогащения арсенала выразительных средств поэзии. Вера Хамидуллина не чужда поисков в области строфики, ритмики. Эта смелость поэта обусловлена похвальным для поэта стремлением к преодолению материала, что есть преодоление себя нынешнего в устремлённости к открытию неизведанных возможностей, в желании каждый раз встать на более высокий уровень. Это ведь и есть творческий рост. Придумываются и свои жанры: «Разнодумья», «Стихоплётки». Откуда такая пестрота? Думаю, от многокрасочности, многоцветности души, богатства её чувствований, переживаний, эмоций. Она настолько пестра, что каждый узор требует своего воплощения в новых «одеждах», в новой информации, в новом коде. И каждый раз поэтическая мысль воплощается по-новому, оригинально, но во всём этом чувствуется не свойственный новичкам выпендрёж, не оригинальничанье, а органичность в воплощении поэтической мысли.

Много открытий у Веры Хамидуллинной и в детской поэзии. Детским стихам посвящена целая книга «Воспоминания моей бабушки...» Стихи для детей — это всегда игра, в которой мир предстаёт в многокрасочности и полноте, в чудесности, которой всё меньше в мире. Детские стихи Веры Хамидуллинной содержат мощный воспитательный заряд: «*Если мама детям не поёт, // Как добросердечие привьёт? // Если с песней вырастет дитя, // То и светлый путь пройдёт шутя*». Настоящая детская поэзия — это ведь всегда и нравственный урок взрослым.

Внимание к детским стихам — признак несомненной зрелости поэтессы. Пусть будет комплиментом ей тот факт, что одна из её детских книг, подаренной моему

трёхлетнему сыну Амилю, стала его «сонником», в том смысле, что он с ней и засыпает. Это ли не лучшее признание её таланта?

Многогранность поэтического таланта Веры Хамидуллинной выражается и в её переводческом деле. Её перу принадлежат многочисленные переводы татарской и зарубежной поэзии. В ряде из них поэту удаётся достичь той же глубины самовыражения, что явлена в произведениях авторов переводимых первоисточников, таких, например, как «Звуки» Каролины фон Гюнтероде, «Двое» Гуго фон Гофманстала. Хотя некоторые из переводов блестящими не назовёшь. Так, неудачным мне кажется перевод стихотворения Гёте, который в своё время гениально переложил М. Ю. Лермонтов («Горные вершины...»). Не смогла поэтесса передать главного — романтического, томящегося духа, его полноты. А не удался перевод потому, что Вера Хамидуллина — не романтик по сути своей, скорее, реалист, правда, хорошо усвоивший опыт всей предшествующей литературы.

Не состоялся, на мой взгляд, и перевод стихотворения Чингиза Мусина «Пылинка» из его сборника «Дорога жизни». Подобные стихи — общее место, потому банальны. К тому же безобразны, а значит — безобразны. А безобразность противоречит характеру таланта Хамидуллиной, её поэтическому почерку. Потому и перевод, на мой взгляд, получился несостоятельный. Но вина ли в том поэтессы, когда подобные банальности в татарской поэзии — не редкость? И являются фактами творческого бессилия авторов, которые часто лишь перепевают, повторяют по-татарски то, что уже давно и несравненно талантливо сказано на других языках. И Вере Хамидуллиной мой совет: браться за переводы только тех поэтов, которых в силу таланта действительно можно считать таковыми, и которые ей «по плечу» и по духу. Тогда и перевод будет органичным, как, к слову, переводы стихотворений Рима Идиятуллина, Роберта Ахметзяна, Шамиля Маннапова, Дамира Шарафутдинова, Айдара Халима, Гакиля Сагирова, Танчулпан и др.

Порой недостатки есть продолжение достоинств. Душа поэтессы жадна до жизни и выхватывает из неё всё, порой и сорное. Торопясь впитать в себя как можно больше, она не замечает некоторых «огрехов», в виде, например, неточных рифм, которые художественно не мотивированы, да и в целом, по-моему, не свойственны поэтической поступи Веры Хамидуллинной: небо-кедо, года-судьба... Нет, я не против ассонансной рифмы, которая держится на одной только гласной. Но ведь поэтесса *настроена на волну жизни*. Откуда тогда такие звуковые неточности? Ведь чем-то же перебивается этот безупречный настрой? Но вот чем — в стихах не проясняется.

Нет-нет, и мысль не совсем ясна или же неточно выражена: «*В России путь всегда смешон — через острожье он*» (почему смешон?); «*Там, скинув груз своих забот, // Я обрету покой и счастье. // Они в мой дом давно стучатся, // Как молнии в громоотвод*» (полно, могут ли молнии стучаться?).

Но всё это лишь частности и дело техники. В целом же поэзия Веры Хамидуллинной не оставляет сомнений в явлении в отечественной поэзии самобытной творческой личности.

